

Гу Пэн снова собирался выйти из себя, но почувствовал сладкий мягкий аромат, исходящий от юноши. Этот волнующий сладкий запах замер, изящно покачиваясь, на самом кончике сердца, словно бабочка, присевшая на дуло пистолета. Вспыхнувшая было яростная злоба мгновенно угасла.

Он сглотнул, несколько раз пытался открыть рот, чтобы обругаться, но обнаружил, что даже его любимое словечко «блин» как-то неловко произносить.

В груди у Гу Пэна застрял ком, он с раздражением убрал ногу и поставил её на пол.

Глаза Тан Сяотана заулыбались.

— Вы такой хороший, — похвалил он.

Гу Пэн был в ярости.

Мужчина, привыкший решать проблемы силой, оказался в полной растерянности.

Машина плавно тронулась, постепенно набирая скорость.

Тан Сяотан сидел в движущемся автомобиле, и смотреть на пейзажи было совсем другим ощущением.

Знакомые и незнакомые пейзажи и потоки людей то вдруг оказывались совсем близко, прямо за окном, то снова удалялись, так далеко, что Тан Сяотан выворачивал шею, оглядываясь назад, но сколько ни всматривался — уже не находил. А в следующее мгновение в поле зрения появлялся новый пейзаж.

Казалось, вся смена и обновление целого мира сжались до размеров оконного стекла.

Ощущение было по-настоящему волшебным.

Вот таким и был мир с точки зрения человека.

Тан Сяотан сладко улыбался, словно любопытный малыш, для которого всё в новинку. Он смотрел то налево, то направо, пристёгнутый ремнём безопасности, и извивался, как червячок.

Через некоторое время мимо них проехала поливальная машина. Лёгкие белые брызги под лучами солнца преломлялись, переливаясь всеми цветами радуги. Поскольку окна были закрыты, машина, проезжая мимо, не отключала воду, а просто промчалась дальше, напевая свою песенку.

Брызги ударили в дверцу, и Тан Сяотан шарахнулся назад, испуганно приоткрыв ротик.

Но вскоре он обнаружил: ой, а брызги же не могут попасть внутрь!

Тан Сяотан снова обрадовался и, счастливый, прильнул к окну, разглядывая миниатюрную радугу, играющую на водяных брызгах.

Гу Пэн, наблюдая за этим в зеркало заднего вида, фыркнул от смеха.

Хоть и выглядело немного глупо, но было по-настоящему мило.

Он помолчал, потом вдруг тяжело вздохнул.

— Сначала отвезём его в тот детский дом, — сказал он водителю.

Водитель удивлённо переспросил:

— А? Но вы же хотели на мост Цзянхай...

Гу Пэн нетерпеливо перебил его:

— Зачем мне на мост? Кончать с собой?

Водитель поспешно закивал:

— Хорошо, хорошо, хорошо.

Тан Сяотан насторожил ушки.

— Спасибо вам!

Вот это настоящий хороший человек!

Если кто-то хорошо относится к Конфетке, Конфетка тоже должен отплатить!

Тан Сяотан поспешно достал из кармана маленькую красную конфетку, положил её на ладонь и протянул вперёд.

— Хотите конфетку? Очень сладкая!

Гу Пэн рассмеялся.

Было по-настоящему мило.

Он, вопреки своему обыкновению, смягчился, протянул руку, взял конфету, подбросил её в воздух, ловко поймал ртом, и сладость мгновенно растаяла на языке.

Когда сладкий вкус проскользнул по полости рта, горло у Гу Пэна сжалось, и глаза внезапно накрыла краска.

Он потрогал серёжку в виде боба тоски на мочке уха и ничего не сказал.

Вскоре они добрались до детского дома. Тан Сяотан вышел из машины, водитель уже открыл рот, чтобы потребовать плату за проезд, но Гу Пэн, не выходя, швырнул ему пачку красных купюр.

— Сдачи не надо, радуйся тихонько.

Водитель обрадовано рассмеялся:

— Ого, а у нынешней молодёжи тоже бывает с собой столько наличных?

Гу Пэн открыл дверь, одной ногой уже ступил на землю, но остановился и оглянулся.

— Знаешь что? Я и правда собирался на мост Цзянхай покончить с собой. Не взял с собой денег — боялся, что никто не станет собирать мои останки.

Он помолчал, кончиком языка облизал губы, словно смакуя тот проникающий в самое сердце

сладкий вкус, и цинично усмехнулся.

— Но теперь, чёрт возьми, я подумал подождать со смертью.

Сначала подожду.

Может быть, жизнь ещё довольно сладкая.

* * *

Дверь детского дома представляла собой белую радужную арку, на которой золотой пылью были выложены восемь иероглифов, написанных рукой Сы Ханьцзюэ: «Детский дом «Солнце семи деревьев». Стоя за воротами, можно было смутно разглядеть зелёные деревья, окружавшие многоэтажные белые здания. Золотые солнечные лучи, словно поток воды, низвергались с небес, ласково окутывая детский дом.

Тан Сяотан поднял лицо. Его розовые губы слегка приоткрылись, на кончике носа выступил пот, из-под капюшона виднелась половина круглых глаз, зрачки чистые, как вода. Кончик носа от лёгкого жара покрылся тонким слоем испарины, и на носу застыла капелька солнечного света, будто крошечная звёздочка.

Белая кожа окрасилась лёгким тёплым оттенком, обретая нежный, подобный драгоценному камню, цвет.

Тан Сяотан сморщил носик, смотрел то налево, то направо, и ему всё казалось, что это место очень знакомо.

Он как раз колебался, не зная, что делать, когда Гу Пэн, засунув руки в карманы и ссутулившись, подошёл поближе и остановился рядом с Тан Сяотаном.

— Малыш, что делаешь?

Тан Сяотан удивлённо переспросил:

— А?

Гу Пэн рассмеялся:

— А?

Тан Сяотан поджал алые губки:

— А вы как здесь оказались?

Гу Пэн ответил:

— А что, нельзя?

Тан Сяотан смущённо пробормотал:

— Ну, не то чтобы нельзя.

Гу Пэн фыркнул со смехом и, с видом хулигана, большим пальцем указал на ворота детского дома.

— Ну что, хочешь зайти?

Тан Сяотан послушно кивнул:

— Хочу, но ты же знаешь, у людей... у людей есть такая штука — камеры наблюдения.

Розовый язычок облизнул губы, скрывая чуть было не выдавшее его лёгкое беспокойство. Тан Сяотан поднял лицо.

— Боюсь, что обнаружат...

Детский дом — территория Сы Ханьцзюэ, хозяин обязательно его обнаружит.

Но он всё ещё ревнует к «Конфетке господина Сы», и Конфетка не хочет сообщать хозяину, что тоже умеет превращаться в человека!

Разве что он будет точно уверен, что хозяин совсем не любит «Конфетку господина Сы».

Любовные представления мармеладного мишки предельно просты и прямолинейны: Конфетка так сильно любит хозяина, и хозяин должен любить только Конфетку!

Неважно, Конфетка он или человек, раз хозяин произнёс слово «люблю», значит, должен нести за Конфетку ответственность!

Тан Сяотан сердито надулся: стоит только подумать, что есть ещё какая-то «Конфетка господина Сы», которая любит хозяина, вспомнить, как в больнице он слышал и видел, как хозяин заботится о ком-то по имени Тан Тан, как сразу на сердце становится тоскливо и больно.

Гу Пэн уставился на раздувшиеся, как у рыбы-фугу, щёчки Тан Сяотана, прикрыл рот ладонью и понизил голос.

— Я хакер.

Тан Сяотан с подозрением посмотрел на него:

— Немного загорелый.

Гу Пэн глубоко вздохнул, с трудом сдерживая почти готовый вырваться смех.

— Я имею в виду, что могу помочь тебе удалить запись с камер.

Тан Сяотан широко раскрыл глаза от изумления.

Этот человек действительно могущественный!

Глаза Тан Сяотана загорелись, он достал из кармана пригоршню маленьких красных конфеток.

— Спасибо вам! Хотите конфетку?

Гу Пэн расхохотался:

— Твоя семья что, конфетный магазин держит?

Тан Сяотан удивился:

— Откуда вы знаете?

Хозяин и правда подарил Конфетке конфетный магазин!

Круглые глазки Тан Сяотана сияли ярким светом, когда он улыбался, уголки глаз становились узкими, а на щеке появлялась маленькая ямочка, хранящая сладостную прелесть.

Та наполняющая изнутри счастьем радость ослепительно излучалась из глубины души, делая этого прекрасного юношу сияющим и светящимся.

Гу Пэн смотрел на его улыбку, и его взгляд потускнел и стал рассеянным. Все эти нацепленные на него с вызывающим видом кричащие предметы роскоши и экстравагантные узоры утратили свой показной бунтарский лоск, став тусклыми и неприглядными на фоне такой ослепительной беззаботности.

Он с завистью смотрел на светлого, лучезарного юношу и кивнул.

— Давай сюда конфеты, я тебе помогу.

Тан Сяотан, сияя глазами и улыбаясь, протянул конфеты на раскрытой ладони.

Гу Пэн скосив глаза, взглянул вниз, взял пригоршню и, словно семечки, стал бросать их в рот.

— Пошли.

Неизвестно, из чего были сделаны эти желейные конфеты, но они были мягкими, нежными, сладкими в самый раз, словно острый луч солнца, уничтожающий всю скопившуюся мрачность и уныние.

Тан Сяотан прыгал и скакал впереди, а Гу Пэн, перекатывая желейные конфеты за щекой, с неизменно высокомерным и неприступным взглядом, вдруг обрёл в глазах тень улыбки.

<http://bllate.org/book/15589/1395463>